

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

ный для вывозки изъ аула годного дерева. Кавалерія шла за обозами. Я самъ поѣхалъ впередъ и, поднявшись на небольшой пригорокъ, сталъ наблюдать въ подзорную трубу за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Въ редутахъ уже били тревогу. Какъ только обозначилось движение нашей колонны, турки стали въ ружье и скоро съ передовой батареи загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Началась канонада. Снаряды, перелетая ауль, стали ложиться въ обозъ. Къ счастію, войска остановлены были внѣ выстрѣла. Я тотчасъ потребовалъ къ себѣ на пригорокъ нѣкоторыхъ начальниковъ и предложилъ имъ полюбоваться картиною.

— «Это удивительно, ваше превосходительство, отвѣчали мнѣ: надо полагать, что послѣ штурма турки поставили сюда орудія большого калибра.

— «Казацъ! подымі ядро! сказалъ я ординарцу и пригласилъ присутствующихъ посмотретьъ какого оно калибра.

«Ядро оказалось шести-фунтовое.

«Я приказалъ начать отступленіе, не скрывая уже болѣе накипѣвшей досады»....

Размолвка эта была доведена до главнокомандующаго и имѣла послѣдствіемъ то, что Баклановъ до самаго паденія Карса жилъ при главной квартирѣ, не получая уже никакихъ порученій.

Наконецъ, 16 ноября 1855 г. Карсъ сдался.....

В. А. Потто.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА М. И. ГЛИНКИ.

(Воспоминанія сестры его, Л. И. Шестаковой*)).

1854—1857.

I.

Жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1854 г.—Друзья и знакомые.—Зима въ Петербургѣ.—Заботы о крестницахъ.—«Дѣтская полька».—«Торжественный польскій».—А. С. Даргомыжскій.—Глинка на представлении оперы: «Жизнь за Царя».—Церковная музыка.—Новая опера: «Двумужница».—Характеръ Глинки.—Послѣдній отъездъ за границу.

1854—1856 гг.

Братъ окончилъ свои записки 1854 годомъ, приѣздомъ своимъ въ Царское, а умеръ онъ въ 1857 г. Я хочу, насколько па-

*) Помѣщаемыѣ здѣсь «Воспоминанія Л. И. Шестаковой» заканчиваются біографію М. И. Глинки, наложенную имъ въ его запискахъ. См. «Русск.

мать моя и письма брата позволять, пополнить этот пробель и сообщить о немъ все, что я знаю, не только какъ о композиторѣ, но и какъ о человѣкѣ.

Жилое намъ въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ въ 1854 г. хорошо; братъ былъ здоровъ, доволенъ. Обыкновенно день его былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: вставалъ онъ довольно рано и исписывалъ мелкимъ шрифтомъ цѣлый листъ своихъ записокъ; часовъ въ 10 приходилъ къ чаю и прочитывалъ мнѣ написанное имъ въ то утро; поговоря немножко, мы уходили на балконъ. Иногда онъ писалъ что-нибудь (все лѣто онъ решительно ничего не сочинилъ, но наоркестровалъ нѣсколько пьесъ), а чаще читалъ одинъ, или я ему читала громко. Для отдыха онъ валился или занимался съ дѣвочкою мою, его крестницею (которую онъ очень любилъ), на коврѣ, разостланномъ тутъ же на балконѣ, и когда бывало-принесутъ имъ еще котенка, то онъ оставался очень доволенъ. Въ 1-мъ часу мы завтракали, потомъ обыкновенно приѣзжали знакомые изъ Петербурга; вечеромъ ходили гулять въ паркъ или въ оранжереи.

Такъ шли дни за днемъ, тихо, покойно; исключения были рѣдки. 21-го мая, въ день ангела брата собралось у насъ большое общество и братъ былъ весель. Чаще всѣхъ посѣщали насъ въ это время: А. Ф. Львовъ, В. П. Энгельгардтъ, И. А. Шестаковъ, А. Н. Сѣровъ, Д. В. Стасовъ, К. П. Вильбоа и П. П. Рындинъ съ женою.

Василій Павловичъ Энгельгардтъ чрезвычайно любилъ брата, постоянно доставлялъ ему всевозможныя музыкальныя наслажденія, даже въ Царскомъ устроилъ музыкальный квартетный вечеръ съ Пикелемъ и другими; между прочими пьесами исполняли одно изъ юношескихъ произведеній брата, и братъ не узналъ своего квартета. Помню, какъ будто бы теперь вижу, довольное лицо брата, когда онъ слушалъ предестное исполненіе артистовъ. Онъ глубоко цѣнилъ расположение къ нему Энгельгардта, да и понятно: съ его душой не дорожить такою постоянною привязанностью было невозможно. И. А. Шестаковъ и Александръ Николаевичъ Сѣровъ гащивали у насъ. Часто у А. Н.

Стар. т. I изд. первое — стр. 380, 474, 562; изд. второе — стр. 313, т. II — стр. 58, 266, 372 и 419.

Ред.

41

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ДЕКАБРЬ, 1870. Т. II.

Сёрова съ братомъ шли толки о музѣ и продолжительные; тогда, насколько я помню, Александръ Николаевичъ любилъ «Руслана»; не разъ слыхала я, какъ онъ исчислялъ красоты этой оперы самому брату. Еще изъ посѣтителей былъ П. П. Дубровскій, профессоръ польского языка, академикъ; онъ былъ переведенъ изъ Варшавы, гдѣ имѣлъ случай оказать брату нѣсколько услугъ. Братъ никогда не забывалъ малѣйшаго добра, сдѣланнаго ему; къ тому же Дубровскій былъ человѣкъ добрый, но имѣлъ такую страсть спорить, что иногда выводилъ брата изъ терпѣнія. Помню, однажды страсть Дубровскаго была въполномъ разгарѣ; братъ долго слушалъ его, потомъ, не отвѣчая ему, подошелъ къ портрету покойнаго государя императора Николая Павловича, сталъ передъ нимъ на колѣни, съ словами: «Ваше императорское величество! уничтожили вы виленскій университетъ, уничтожьте и московскій (Дубровскій воспитывался въ московскомъ университѣтѣ), чтобы подобныхъ сему господину меныше было на свѣтѣ.» Конечно, эту выходку сопровождалъ всеобщій смѣхъ присутствовавшихъ лицъ.

Такъ шло время до августа; мы никуда неѣздили,—брать не любилъ; одинъ разъ всего были въ Павловскѣ на музѣ, и то по моему желанію. Въ началѣ августа Энгельгардтъ уѣхалъ за границу; я замѣтила, что отъѣздъ его грустно отозвался на братѣ; къ тому же приближалась осень: братъ началъ спѣшить перѣездомъ въ городъ. Квартира была отыскана и наянята мною въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой, и 26-го августа мы перѣѣхали въ Петербургъ. Квартира наша была хорошая, а зала для музыки чрезвычайно обширная и съ хорошимъ резонансомъ. Скоро по перѣѣздѣ въ городъ дѣвочка моя занемогла опасно; братъ прервалъ всѣ свои занятія и совершенно посвятилъ себя заботамъ о насъ. Надо было видѣть, съ какимъ горячимъ участіемъ онъ помогалъ мнѣ ухаживать за дѣвочкою; онъ иногда ночами приходилъ сидѣть со мною, ходилъ чуть слышно и на это время совершенно отказывалъ себѣ въ музыкальныхъ и всякихъ удовольствіяхъ. Съ какою деликатностью, мягкостью онъ обращался съ нами всегда, а особенно въ это время!.. онъ превзошелъ себя, и когда моя дѣвочка совершенно оправилась, первое, что онъ сочинилъ, была «Дѣтская полька», ей къ ёлкѣ.

Въ концѣ этой зимы или весною онъ сочинилъ «Торже-

ственний польский» для коронации императора Александра II, который, по приказанию императора, и игрался. Помню, что въ продолженіе этой зимы, съ 1854 на 1855 г., братъ выѣзжалъ очень мало. Онъ вообще былъ домосѣдомъ, занимался и проводилъ свой день по прежнему, съ тою разницей, что у насъ собиралось очень много и часто пѣли, играли; иногда игра доходила до 12-ти рукъ. Въ это время бывали у насъ: П. А. Бартеньёва, М. В. Шиловская, А. А. Билибина и много другихъ. А. С. Даргомыжскій бывалъ у брата довольно часто и обыкновенно братъ бывалъ ему очень радъ, но не обходилось дѣло безъ разныхъ выходокъ со стороны брата. Въ то время Даргомыжскій писалъ свою «Русалку», и приносилъ брату прослушать написанное. Братъ восхищался многимъ въ этой оперѣ, но когда Даргомыжскій пропѣлъ ему арию княгини въ 3-мъ актѣ «Дней минувшихъ наслажденья», братъ сказалъ: «Это что-то очень смахиваетъ на арию Гориславы изъ «Руслана» въ 3-мъ актѣ.» Даргомыжскій не захотѣлъ вѣрно спорить съ братомъ и отшутился очень мило: «Э, братъ, сказалъ онъ, тебя всѣ чужие обкрадываютъ, отъ чего же своему не пощипать немножко?»

Въ другой разъ, когда А. С. Даргомыжскій былъ не въ духѣ, то на замѣчаніе брата, что одинъ изъ мотивовъ «Русалки» отзывается другимъ сочинителемъ, Даргомыжскій съ сердцемъ отвѣталъ: «Это ты воображаешь или просто выдумываешь». Тогда же братъ уговаривалъ Даргомыжскаго, конча эту оперу, непремѣнно начать комическую, говоря, что онъ заранѣе увѣренъ, что это выйдетъ un chef d'oeuvre. Но, странно, Даргомыжскій всегда какъ будто обижался этимъ и даже одинъ разъ сказалъ ему: «Неужели ты думаешь, что я, кроме комическихъ вещей, ничего не могу сдѣлать?» Братъ говорилъ ему, что, конечно, онъ самъ видѣтъ и знаетъ, что въ «Русалкѣ» и не комическая вещь превосходны, но что, по его мнѣнію, написать комическую оперу нисколько не легче и что для этого нуженъ особенный талантъ, который онъ и встрѣтилъ только въ немъ одномъ.

Помню еще одну сцену брата съ Даргомыжскимъ. Братъ любилъ совѣтовать писать другимъ, но когда уговаривали писать его самого, онъ обыкновенно, ежели бывалъ въ дурномъ настроеніи, оставался очень недоволенъ и сердился, если же

бываль въ духѣ, то обращалъ эти уговоры въ смѣшную сто-
рону. Такъ однажды, когда Даргомыжскій началъ говорить ему, что стыдно ему съ такимъ талантомъ ничего не сочинять, братъ, вмѣсто отвѣта, запѣлъ ему его романсъ: «Каюсь, дядя, чортъ попуталъ», и его же пискиливымъ диксантомъ; въ первую минуту А. С. былъ пораженъ, но продолжалъ свои увѣщеванія; чѣмъ болѣе А. С. уговаривалъ брата, тѣмъ тотъ сильнѣе старался выписывать «Дядю», и кончилось тѣмъ, что А. С. сказа-
зъ: «Какой ты, братъ, школьнікъ!» и заговорили о другомъ.

Въ эту зиму братъ бывалъ у князя Одоевскаго и Волкон-
скаго на музыкальныхъ вечерахъ и быть очень доволенъ, слыша-
тамъ хорошую музыку и превосходное исполненіе. Еще онъ
бывалъ у Ламакина, слушалъ пѣвчихъ Шереметева, исполняв-
шихъ пьесы древнихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ сочинителей.

Братъ всегда сильно любилъ музыку Бетховена, Баха, Ген-
деля, но въ эту эпоху болѣе всего восхищался Глукомъ. Онъ
не разъ рассказывалъ мнѣ о восторгѣ, доведшемъ его до слезъ,
когда, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, онъ слышалъ на сценѣ «Ар-
миду» Глука, наигрывалъ мнѣ мѣста, которыхъ болѣе подъ-
вѣствовали на него, и, можно сказать, упивался этой музыкою.

Въ эту же зиму я упросила его быть со мною въ театрѣ, и
мы были два раза. Видѣли Лябляша въ «Barbier de Séville»,
потомъ мнѣ непремѣнно хотѣлось вмѣстѣ съ братомъ видѣть
«Жизнь за Царя», онъ согласился. Но при поднятіи занавѣса
онъ былъ непрѣятно пораженъ, увида, какъ небрежно давалась
эта опера.

Послѣ первыхъ представлений въ 1836 г. онъ не видѣлъ
свою старуху, какъ онъ называлъ «Жизнь за Царя», и въ
девятнадцать лѣтъ не было подновлено ничего; тѣ же самые
востюмы, тѣ же декорации, и польскій балъ освѣщался 4-мя свѣ-
чами; братъ на это замѣтилъ мнѣ, что скоро будутъ освѣщать
его двумя сальными огарками. Но что выдѣлывалъ оркестръ,
какіе брались темпы, ужасъ! Я понимаю, какая была большая
жертва со стороны брата для меня, что онъ немедленно не
оставилъ театръ. Но онъ восхищался Петровымъ, и тутъ же
въ роли Вани замѣтилъ голосъ Леоновой (впослѣдствіи она
сдѣлалась его ученицей). Въ одинъ изъ антрактовъ вошелъ
къ намъ въ ложу князь Одоевскій и шепнулъ мнѣ, что брата

хотять вызывать и шепнула такъ громко, что братъ, услыхавъ это, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ ложи, сказавъ мнѣ: «Подѣзжай, пожалуйста, къ квартирѣ директора и пришли за мной человѣка». Останавливать брата не было никакой возможности, я знала хорошо его характеръ. Точно, его вызывали, но тутъ же со сцены было объявлено, что онъ уѣхалъ. Болѣе я его никогда не звала въ театръ и ужасно досадовала на себя, что и въ этотъ разъ попросила его быть со мною въ «Жизни за Царя», потому что онъ на другой же день занемогъ сильнымъ разстройствомъ нервъ. Гейденрейхъ зналъ хорошо его мягкую натуру, и, съ свойственною ему деликатностью, успокоилъ его нервы; недѣли черезъ двѣ онъ оправился.

Вскорѣ послѣ этого Дарья Мих. Леонова приѣхала къ намъ и братъ началъ заниматься пѣніемъ съ нею; голосъ ея ему нравился, и онъ началъ инструментовать разные романсы и пр. для ея предполагаемаго концерта. Какъ теперь вижу его сидящимъ въ залѣ, въ своемъ любимомъ халатѣ обыкновенно близъ стола и усердно вписывающимъ партитуру... Вѣтгаетъ бывало неожиданно Оля, и прямо къ брату: «Мися, игляй», братъ съ улыбкой, доброй, хорошей улыбкой оставлялъ немедленно работу и садился играть; потомъ дѣвочка затѣвалась пѣть, и братъ училъ ее: «Ходить вѣтеръ у воротъ», и радовался, когда она брала вѣрныя ноты. Иногда онъ самъ танцевалъ съ нею, а иногда, чтобы посмѣшить Олю, танцевалъ мазурку съ 60-ти-лѣтнею старухою, нянею моей дѣвочки.

Въ томъ же 1855 г. великимъ постомъ братъ хотѣлъ слышать сочиненную имъ передъ этимъ церковную музыку: экстеніи на обѣдни въ три голоса и «Да исправится». Чрезъ князя Волконскаго устроилось такъ, что архимандритъ Сергиевской пустыни былъ самъ у насъ и пригласилъ брата и меня приѣхать въ назначенный имъ день въ пустынь; братъ былъ не очень здоровъ и ѿхать не могъ, но отправилъ меня одну. Съ этого времени братъ началъ подумывать серьезно о церковной музыкѣ и началъ понемногу заниматься церковными тонами.

Но вскорѣ музыка другого рода отвлекла его отъ этихъ занятій; ему вдругъ пришла мысль написать еще небольшую оперу, «Двумужница». Начались хлопоты, толки о новой опрѣ. Приблизительно около этого времени брату захотѣлось послать

объ оперы свои и романсы въ Берлинъ Дену для публичной библиотеки. Партитуры оперъ онъ отдалъ переписывать, и по-томъ самъ повѣрялъ ихъ, а отыскать и собрать романсы онъ возложилъ на меня; хлопотъ было довольно: братъ помнилъ, при комъ и въ которомъ году писалъ онъ каждый романсъ, но кому они были подарены или проданы, не помнилъ. Объ иныхъ изъ нихъ надо было писать къ разнымъ лицамъ, не только въ Петербургѣ, но даже во внутрь Россіи и за границу, спрашивая гдѣ можно отыскать; другихъ же совсѣмъ не оказалось и онъ написалъ ихъ съизнова. Когда же, наконецъ, все было отыскано и я привезла ему ихъ, распредѣля по годамъ, братъ вздумалъ пересмотрѣть ихъ, и ему попался дуэтъ переложенный изъ баркаролы «Уснули голубыя сегодня, какъ вчера». Переложеніе было ужасное, и тутъ же было напечатано, что переложено Глинкою. Братъ вышелъ изъ себя и, взявъ этотъ дуэтъ, поѣхалъ жаловаться, но, приѣхавъ къ квартирѣ Дубельта, замѣтилъ, что свертка уже не было; вѣрно, садясь въ экипажъ, онъ выронилъ его изъ рукъ, потому что изъ кареты свертокъ не могъ же выпасть. Братъ вернулся домой раздосадованный, но болѣе не жаловался, а только сдѣлалъ выговоръ фабриканту этой музыки.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о характерѣ брата. У брата была наивнодѣтская, мягкая, деликатная натура, и ничто не могло поколебать ее, ни семейныя дрязги, ни кружки, въ которые судьба забрасывала его; равно ничто не могло повредить его таланту; доказательствомъ тому служатъ его послѣднія произведенія: «Русланъ», «Камаринская» и двѣ «Испанскихъ увертюры». Братъ никогда не могъ писать по заказу; онъ писалъ только тогда, когда что-нибудь сильно, пріятно дѣйствовало на него, будь это женщина, природа, климатъ, пре-восходное произведеніе искусства; тогда онъ вдохновлялся. Но что въ Россіи ему было труднѣе писать чѣмъ гдѣ-нибудь, это очень понятно: климатомъ и природой онъ восхищалася, конечно, не могъ, а полное пренебреженіе къ его таланту со стороны русскаго общества парализировало въ немъ всякое вдохновеніе. Чѣмъ бы написалъ братъ, ежели бы жилъ теперь, когда такъ горячо относится большая часть публики къ его произведеніямъ!

Онъ не былъ разсѣянъ, но неумѣные вести дѣла было вообще сильно въ немъ: онъ не любилъ никакихъ дѣлъ и хозяйственныхъ дрязгъ. Но что въ немъ было развито до неизвѣроятныхъ размѣровъ, это мнительность,—онъ такъ боялся смерти, что до смѣшного ограждалъ себя отъ всякихъ малостей, которыхъ, по его мнѣнію, могли вліять на его здоровье. Онъ былъ иногда нездоровъ, какъ и всѣ бываются, но онъ себя считалъ всегда болѣнымъ и даже часто близкимъ къ смерти, и потому иногда выходили презабавныя штуки. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1855 г., въ первый день праздника Пасхи, утромъ вошелъ онъ въ мою комнату блѣдный и чуть слышеніемъ голосомъ сказалъ: «мнѣ худо», и на вопросъ мой — что съ нимъ? онъ показалъ мнѣ, что на щекѣ у него показалась кровь. «Видиши, кровь уже выходитъ», сказали онъ. Я, зная, что онъ постоянно самъ брѣется, поняла, что онъ вѣрно порѣзалъ себя немнога, и сообщила ему мое предположеніе. Онъ успокоился и даже повеселѣлъ, и мы пошли съ нимъ поздравить нашу добрую хозяйку старуху Томилову съ праздникомъ,—она жила въ томъ же домѣ. Поздоровавшись съ нею, я оглянулась, чтобы уступить място брату, но его уже не было въ комнатѣ. Я поняла въ чемъ дѣло,—у хозяйки на столѣ лежала суконная салфетка, пропитанная камфорой и перцемъ. Пробывъ нѣсколько минутъ, я ушла, сказавъ, что вѣрно брату сдѣлалось дурно. Возвратясь къ себѣ, я нашла уже брата въ другомъ платьѣ, а то, въ которомъ онъ ходилъ къ Томиловой, было приказано выбросить изъ дома: по словамъ брата, въ немъ была отрава отъ камфоры. Дѣло въ томъ, что онъ самъ постоянно лечился гомеопатіей, у него была маленькая аптечка, и потому онъ никакихъ сильныхъ запаховъ выносить не могъ; духи для него были также антипатичны, какъ и камфора, и всѣ пряности вообще. Перецъ, лавровый листъ и всѣ остальные пряности были изгнаны изъ нашей кухни, т.-е. на словахъ, а на дѣлѣ бывало такъ, что ежели супъ ему по вкусу, и онъ замѣтить въ немъ лавровый листъ или перецъ, то и прикроетъ ихъ кускомъ говядины, а супъ кушаетъ на здоровье. Помню, разъ былъ онъ въ хорошемъ настроеніи и, замѣтя лавровый листъ въ супѣ, сказалъ мнѣ: «Не люблю я лавровъ ни на головѣ, ни въ супѣ»...

Прошли праздники, канва для оперы была уже готова, отыск-

канъ либретистъ, иѣтъ Василько — Петровъ, довольно нѣ-
важный литераторъ и преподаватель декламаціи въ Театральной
школѣ. Много, очень много мотивовъ были у брата уже готовы,
другіе вырабатывались, однимъ словомъ, все шло какъ нельзя
лучше. Въ половинѣ мая я должна была уѣхать по дѣламъ въ
деревню. Брать оставался въ Петербургѣ. Я простилась съ нимъ
въ то время, когда онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и
доволенъ. Онъ съ удовольствіемъ занимался пѣніемъ съ Леоно-
вой, принаился соображать оперу горячо и съ любовью. Въ од-
ной изъ комнатъ онъ сдѣлалъ рѣшетку у окна и завелъ болѣе
12 птицъ (которыхъ страстно любилъ); при немъ остались вѣр-
ные, хорошие люди: поваръ, человѣкъ и женщина, на кото-
рую я возложила всю хозяйственную часть, чтобыничѣмъ не
беспокоить брата. Я уѣзжала совершенно покойная, зная, что
Гейденрейхъ и другіе знакомые будутъ навѣщать его и беречь.
Для него уходъ былъ необходимъ; онъ такъ привыкъ къ этому
съ самаго дѣтства, что уже это превратилось у него не въ
привычку, но въ необходимость. Въ деревню братъ писалъ мнѣ,
какъ обыкновенно, разъ въ недѣлю. Описывалъ, что дѣлалъ въ
прошлую недѣлю и что намѣренъ быть дѣлать въ будущую.
Нѣкоторыя выписки изъ этихъ писемъ находятся въ статьѣ
В. В. Стасова подъ заглавіемъ: «М. И. Глинка», и потому
я не привожу ихъ здѣсь. Въ іюнѣ письма брата были хорошия,
веселыя, довольныя; въ іюлѣ онъ началъ жаловаться на жары,
на В. В. Стасова, который назойливо требуетъ, чтобы братъ со-
чинялъ, тогда какъ онъ этого не можетъ; потомъ на либретиста;
въ концѣ іюля онъ уже жаловался на все и всѣхъ, а въ началѣ
августа я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ
меня послѣдить приѣздомъ, чтобы выпроводить его въ Варшаву,
потому что онъ болѣе оставаться въ Петербургѣ не можетъ.

Я, конечно, не заставила брата повторить просьбу и немедля
возвратилась къ нему. Онъ намъ очень обрадовался и сказалъ:
«Ты мнѣ сдѣлала сюрпризъ; я не ждалъ тебя такъ скоро». На
мой отвѣтъ, что я послѣдила исполнить его желаніе и привез-
ла съ собою все, что нужно для его отѣзда, онъ сказалъ
мнѣ: «О дѣлахъ ни слова; три дня ты у меня гостья, а потомъ
поговоримъ». Но не дождались мы трехъ дней, и на другой же
день онъ уже рѣшилъ, что остается въ Петербургѣ до весны,

что «Двумужницы» писать не будетъ, что она ему опротивѣла по многому и что либретистъ его надѣжалъ ему непріятностей (объ этомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Энгельгардту). Чѣмъ именно было, не знаю; братъ не сообщилъ мнѣ, сказавъ, что это меня огорчить.

Тутъ скоро мы познакомились съ Бѣленицыною, Екатериной Николаевной; старшая дочь ея, Любовь Ивановна (нынѣ Кармалина), была дѣвушка съ болѣшимъ музикальнымъ талантомъ, пѣла превосходно, прямо съ листа въ одно время, музыку, голосъ и слова, какъ будто вещь была давно ей извѣстна. Братъ былъ въ восторгѣ отъ такого таланта, и она часто пѣвала у насъ подъ аккомпанементъ брата. Онъ въ эту зиму выѣзжалъ еще меныше; помню, раза два былъ у князя Одоевскаго и еще у кого-то на музикальныхъ вечерахъ (въ театрѣ я ему не предлагалаѣхать). У насъ же въ эту зиму, какъ и въ прошлую, собирались, музиковали, и къ прежнимъ еще прибавились Бѣленицыны. Даргомыжскій бывалъ очень часто; онъ также, какъ и братъ, восхищался талантомъ Люб. Ив., былъ друженъ съ ними, и почти всегда вмѣстѣ съ ними бывалъ у насъ, и Люб. Ив. часто пѣвала партію Наташи изъ «Русалки».

Въ началѣ этой зимы пришла фантазія брату задѣлать дверь изъ гостиной въ залу: «для того, говорилъ онъ, чтобы имѣть особую квартиру, и чтобы имѣть возможность принимать разныхъ лицъ, которыхъ при общей квартирѣ неудобно было принимать». Я не противилась, зная хорошо, что при настойчивомъ характерѣ брата это ни къ чему не поведетъ и онъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ по-своему. Вообще нужно было уступить ему и предоставить самому современемъ обдумать и разобрать дѣло, и тогда онъ самъ убѣждался, что ошибся, и поправлялъ дѣло, ежели его возможно было поправить. Такъ случилось и теперь; хотя я вполнѣ сознавала что это нелѣпость, но, зная его, уверена была, что это не надолго; дверь забили, оклеили шпалерами съ его стороны и не осталось слѣда двери; въ первые дни братъ былъ доволенъ, потомъ началъ находить неудобства и кончилось тѣмъ, что чрезъ дѣвѣли пришлось опять отдирать шпалеры и отѣлачивать дверь, и опять все пошло по старому.

Къ празднику я сдѣлала ёлку своей дѣвочкѣ; на другой день братъ вздумалъ просить меня, чтобы я сдѣлала ему ёлку. Я думала, что онъ шутить, но оказалось, что ему на самомъ дѣлѣ пришла фантазія, чтобы у него въ залѣ была ёлка. Онъ сказалъ мнѣ: «Это будетъ моя ёлка и я приглашу на нее, кого захочу».

Онъ пригласилъ на ёлку къ себѣ семейство Бѣленицыныхъ, Даргомыжскаго, его сестру Софию Сергеевну Степанову съ мужемъ, и больше никого. Зажгли ёлку, и ему вздумалось танцевать кругомъ дерева, меня засадили играть мазурку, и начались танцы. Даргомыжскій съ Люб. Ивановою, въ первой парѣ, а братъ съ сестрою ея Софьею Ивановою во второй. Сначала все шло хорошо, выдѣльвали разныя фигуры и братъ спрятывался по своимъ лѣтамъ и тучности хорошо, но Даргомыжскому вздумалось подтрунить надъ нимъ, и онъ, бывъ въ первой парѣ, затѣялъ фигуру, въ которой кавалеръ долженъ становиться на колѣни. Самъ онъ очень легко и ловко сдѣлалъ ее, но когда дошла очередь до брата, онъ съ трудомъ сталъ на колѣни, подняться же рѣшительно не могъ; всѣ дамы бросились поднимать его, смѣхъ былъ общій, а Даргомыжскій стоялъ въ сторонѣ и «злоказчественно» улыбался; братъ въ шутку сказалъ ему: «Вѣдь ты надо мною съехидничалъ!...» Конечно, мазурка тѣмъ и кончилась, и ёлка съ нею. Началась музыка: братъ съ Даргомыжскимъ играли въ 4-ре руки, потомъ всѣ пѣли по очереди и вмѣстѣ; благодаря выдумкѣ брата, всѣ мы провели вечеръ очень пріятно. Въ это время приѣхалъ къ брату Ульбышевъ съ М. А. Балакиревымъ, и потомъ послѣдній бывалъ у насъ довольно часто. Братъ предсказывалъ Балакиреву блестящую музикальную будущность.

Дѣвочка моя стала немного больше и братъ часами занимался съ нею, рисовалъ ей, рассказывалъ сказочки, иногда игралъ, пѣлъ съ нею. Видно было, что она даетъ ему развлеченіе, и онъ вообще дѣтей уже такого возраста очень любилъ, за то какъ искренно не терпѣлъ новорожденныхъ и вообще очень маленькихъ (своихъ дѣтей у него никогда не было). Послѣ праздниковъ онъ занемогъ, и до начала апрѣля не выходилъ изъ комнаты; тутъ-то онъ сочинилъ послѣдній романъ свой,

по неотступной просьбѣ Павлова, на слова его: «Не говори, что сердцу больно отъ ранъ чужихъ.»

Брата посыпали по прежнему; по прежнему же производили разныя музыки; кто именно посыпалъ брата, всѣхъ не упомню, но знаю, что въ это же время Даргомыжскій представилъ брату В. Н. Кашперова, который былъ не долгое время въ Петербургѣ. Онъ приходилъ къ брату спрашивать совѣта на счетъ музыкальныхъ дѣлъ своихъ (онъ занимался музыкою). Брать полюбиль его, и потомъ въ Берлинѣ уже они видались ежедневно. Еще зимою братъ измѣнилъ свое намѣреніеѣхать въ Варшаву и рѣшилъ поселиться въ Берлинѣ.

27 апрѣля было назначено днемъ его отѣзда. Алексѣй Прох. Чаруковскій выхлопоталъ брату казенную карету и почтальона, контрабасиста филармонического общества, г. Мемель охотно взялся проводить брата до Берлина, чтобы повидаться съ своими родными. Начались хлопоты по этому случаю. За день до отѣзда пришелъ В. В. Стасовъ, и сказалъ мнѣ, что не худо бы снять портретъ съ брата; потому что въ теченіи 14-ти лѣтъ, съ самаго 1842 года, когда былъ сдѣланъ литографіческій портретъ, помѣщенный при «Русланѣ», мы не имѣли ни одного портрета брата. Я поблагодарила его за эту мысль и попросила предупредить г. Левицкаго, что мы будемъ завтра въ часъ. Я была увѣрена, что упропшу брата пойхать со мною, и точно братъ, хотя не совсѣмъ охотно, но согласился; итакъ, ежели мы имѣемъ хорошій портретъ брата послѣднихъ лѣтъ его жизни, то этимъ обязаны В. В. Стасову; у меня столько было заботъ объ отѣздѣ брата, что наѣрно мнѣ не пришло бы въ голову снять портретъ его.

Наступило и 27-е апрѣля 1856 г. Въ часъ по полудни братъ вмѣстѣ со мною и В. В. Стасовымъ сѣли въ карету, и мы проводили отѣзжавшаго до заставы. У заставы братъ вышелъ изъ кареты, простился съ нами, потомъ плонувъ, сказалъ: «Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!»

На возвратномъ пути мы все говорили о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы братъ къ зимѣ возвратился въ Петербургъ; я знала, что это невозможно, да даже, бывши свидѣтельницей всего тяжелого, что братъ перенесъ, перестрадалъ и переживалъ за эти два года, я бы и не рѣшилась просить его

приѣхать. Онъ сильно и глубоко чувствовалъ малыйшія непріятности; несчастная семейная жизнь его развила въ немъ нервную чувствительность до высшей степени; музыка его была ему дорога, и послѣ семейной катастрофы стала еще дороже, а что же онъ видѣлъ въ Петербургѣ? «Жизнь за Царя» итальянцы вытѣснили съ Большого театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? или въ табельные дни,—не по музикѣ, а по имени оперы, или когда по чему-нибудь нельзѧ было давать другихъ оперъ (неразучены были, или кто боленъ), а для «Жизни за Царя» не нужно было даже репетицій! Въ этомъ отношеніи она до сихъ поръ служитъ подставкой. Брать не разъ говорилъ мнѣ, что изъ «Руслана» онъ можетъ сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ «Жизнь за Царя», и всѣ дѣльно понимающіе музыку тоже ставятъ эту оперу несравненно выше «Жизни за Царя». Еще онъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ»; но, предсказаніе его осуществилось раньше этого времени.

И такая опера была совершенно изгнана изъ репертуара, должно быть за негодностію! Этого мало: иные изъ пріятелей брата позволяли себѣ, для краснаго словца, конечно, на аристократическихъ вечерахъ, рассказывать про брата разныя некрасивыя вещи, а другіе считали обязанностію передавать это брату. Все это страшно его тревожило, и я увѣрена, что не только въ Берлинѣ, но даже въ Варшавѣ онъ былъ покойнѣе, потому что все непріятное было отдано отъ него и онъ не видаль и даже не слыхаль ничего такого, чтобъ могло раздражить его.

Иногда онъ въ письмахъ спрашивалъ меня, идутъ ли и какъ его оперы и пр., но я, не имѣя сообщить ему ничего пріятнаго, оставляла его вопросъ, какъ будто не замѣтила его. Надо было видѣть и слышать, какъ шла тогда «Жизнь за Царя», чтобы имѣть понятіе, до чего можно исказить хорошую музыку. Теперь дѣло другое: въ послѣдніе годы начали обращать вниманіе на русскую оперу, и благодаря Е. Ф. Направвника, оперы исполняются добросовѣстно. Тутъ могу привести я изрѣченіе, слышанное мною года три тому назадъ. Въ разговорѣ о музыкальномъ дѣлѣ, одно изъ тогдашнихъ высокопоставлен-

ныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на театръ, сказали мнѣ: «Намъ все равно, кто сочинилъ, что сочинилъ; для насъ тогда только музыка хороша, когда она приносить доходъ». Что же и говорить, ежели искусство превращено въ товаръ!

Вспоминаю еще, какъ однажды во время представлениія «Руслана» были въ моей ложѣ знакомые и ужасно смѣались при видѣ костюмовъ, говоря: что вѣрно изъ всѣхъ клаcовыхъ вытащили ихъ для просушки....

II.

Жизнь Глинки въ Берлинѣ. — Предсмертное его письмо. — Рассказъ Дена о послѣднихъ дняхъ жизни Глинки. — Кончина его. — Похороны въ Берлинѣ. — Перевозъ его тѣла въ С.-Петербургъ. — Изданія его сочиненій. — Надгробный памятникъ.

1856—1867.

Братъ, по приѣздѣ въ Берлинъ, поселился недалеко отъ Дена. Вскорѣ приѣхалъ туда В. Н. Кашперовъ съ женою, и нанялъ квартиру тоже близко отъ брата. Скоро по приѣздѣ его, я ему писала и просила продолжать записки (копіи которыхъ была съ нимъ). Онъ мнѣ отвѣтилъ, что записокъ продолжать не будетъ, потому что нечего писать, что писавши аккуратно разъ въ недѣлю онъ мнѣ сообщаетъ все, что случается съ нимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ вѣль жизнь чрезвычайно тихую, покойную и однообразную; часы его были распределены, какъ и въ Петербургѣ: каждое утро онъ работалъ съ Деномъ, или готовилъ то, что День задавалъ ему (онъ хотѣлъ непремѣнно пройти весь курсъ церковныхъ тоновъ съ Деномъ). У него были двѣ ученицы пѣнія и онъ занимался съ ними, равно и съ женой Кашперова, пѣніемъ; съ самимъ Кашперовымъ занимался инструментовой; гулять, бывалъ въ театрѣ, слышалъ Бетховена, Глюка, и былъ въ восторгѣ отъ оркестра и хоровъ, также слыхалъ квартеты, словомъ недостатка въ музыкѣ не было. Но больше всего занимала его работа съ Деномъ; онъ отдался ей совершенно, и потомъ написалъ 2 фуги; радовался очень, что избавленъ отъ посѣтителей «съ каплей яда на щекѣ», какъ писалъ и говоривъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень доволенъ и покоенъ въ Берлинѣ въ продолженіи десяти мѣсяцевъ, которые прожилъ тамъ. Иногда онъ жаловался на погоду, на здоровье, но на людей никогда. Кроме обыкновенныхъ

посытителей, Дена, Кашперовыхъ, двухъ ученицъ и доктора, его посыпалъ Мейерберъ, и всѣ русскіе путешественники, которые проѣзжали черезъ Берлинъ. Его предположеніе было остатися въ Берлинѣ до мая 1857 г.; опѣ надѣялся къ тому времени пройти съ Деномъ все, что ему было нужно; въ маѣ я должна была приѣхать къ нему въ Берлинъ и тамъ уже решить вмѣстѣ, гдѣ поселиться на житѣе. Предполагалосьѣхать или въ Италію или въ южную Францію, туда, гдѣ нѣтъ моря; братъ моря не любилъ, думая, что оно ему вредно; равно не любилъ Швейцаріи, говоря, что горный вѣтеръ для него невыносимъ.

Планы наши судьба разрушила.

Вотъ послѣднєе письмо, полученнное отъ брата отъ ²⁷ ₁₅ января 1857 года:

«Спѣшу сообщить тебѣ двѣ пріятныя вѣсти. 1) На дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ состоящій при здѣшнемъ посольствѣ, священникъ В. П. Полисадовъ и охотно взялся доставить тебѣ кипарисный ящичекъ премило отдѣланный перламутромъ, съ двумя шелковыми платочками. Если получишь, то прибереги до дня рожденія нашей Оли, а въ день самаго ея рожденія отдай ей, поздравь отъ меня и скажи, что я ее помню и люблю и если доживу до ея дѣтокъ, то и имъ буду добрый родной. 2) ²¹ ₉ января исполнили въ Королевскомъ дворцѣ известное Тріо изъ Жизни за Царя: Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ. Пѣла партію Петровой по справедливости любимая здѣшней публикой М-те Вагнеръ, она была въ ударѣ и пропѣла очень, очень удовлетворительно. Оркестромъ управлялъ Мейербееръ, и надо сознаться что онъ отличнѣйшій капельмейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Я также былъ приглашенъ во дворецъ гдѣ пробылъ болѣе четырехъ часовъ. Чтобы понять важность этого событія для меня, надоно знать что это единственный концертъ въ году, tout en grand gala: публики было отъ 500 до 700 особъ все залито золотомъ и сверкало бриллантами. Если не ошибаюсь полагаю, что я первый изъ Русскихъ достигшій подобной чести. Письма Мейербеера какъ доказательство что я самъ не навязывался и статьи журналовъ доставлю въ самомъ непродолжительномъ времени. Фуги тоже скоро будутъ переписаны и высланы.

«Умоляю добрыхъ пріятелей не сѣтовать, что не пишу, у меня

Снимокъ съ собственноручнаго пред-
смертнаго письма Михаила Ивановича
Глинки къ сестрѣ его Людмилѣ Ивановнѣ Шеста-
ковой, изъ Берлина, отъ 27/15 Января 1857 г.

Глинка начинаетъ письмо такъ: „спѣшу сооб-
щить тебѣ двѣ пріятныя вѣсти...“ Первая—состоитъ
въ подаркѣ, посланномъ Глинкою дочери Люд-
милы Ивановны, — подарокъ былъ отправленъ съ
о. В. Л. Полисадовымъ, — а вторая новость вы-
сказана въ нижеслѣдующихъ строкахъ, снятыхъ
съ подлинника:

21
9 Альянс менеджеров
Королевского дворца избран
Министром Финансов по указу:
Альянс менеджеров
После падения Наполеона по указа-
нию военных инженеров здание
построено М. de Barrigny, он же
был ударом и прописан в нем,
онко удовлетворительно. Описан
управляющий Менеджером и со-
зданы все оные описания
каким образом бывшее оно
известно. В таком виде оно
было избрано в подавля-
ющем количестве. Тогда
имелось в альянсе много

две мори подотносят это
как единственный концепт.
Por rody, tout en grand gala: ню-
ансов они от 500 до 700 особых
без замены звукоманта и сверхши-
рокий диапазон. Есть не ощущение
одинаково то же первое или
последнее звучание подобных
слов.

Несколько Менделеева касается
именно то то же самое не ис-
пользованием и синтезом гидратов
составлено в синтезе кипролону
и не имеет времени.

Однако море способствует пере-
менам и боязни.

Учёные должны привлечь
и соотвани́ть то же самое.

Лисъмо оканчивается жалобою на неадоровье, на дурную погоду, поклономъ всѣмъ домашнимъ и поцѣлуемъ сестрѣ и племянницѣ. Подписано: „Твой вѣрный другъ и братъ Мішель.“

Настоящее письмо М. И. Глинки есть предсмертное его посланіе. 3-го февраля 1857 года онъ скончался въ Берлинѣ.

Примѣчаніе. Настоящій снимокъ можетъ служить образцомъ приготовляемаго О. К. Опочининой и редакціей «Русской Старины» изданія «Сборника снимковъ съ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ.» Изданіе это печатается А. А. Ильинымъ въ литографіи при его картографическомъ заведеніи.

Дозволено цензурою С. Петербургъ, 24 сентября 1870.

Типографія А. Бенкѣ,
по Екатерининскому каналу, д. графами Рибопьеръ № 107.

Литографія А. А. Ильина,
большая мастерская, въ собственномъ до-

сильная простуда или гриппъ, а время мерзкое, просто ничего не видать отъ тумана и снѣга.

«Прилагаю при семъ программу концерта. Усердный поклонъ всѣмъ домашнимъ, цѣлую тебя и Олю.

«Твой вѣрный другъ и братъ Michel»*).

Послѣ этого письма я получила отъ В. Н. Кашперова, написанное по просьбѣ брата, письмо отъ 11 февраля
30 января съ извѣстіемъ, что братъ сильно простудился, сильно кашляетъ, даже до рвоты; что опаснаго ничего нѣтъ, но что братъ очень слабъ и писать самъ не можетъ, что ему однако хотѣлось дать мнѣ вѣсточку о себѣ; что онъ не разсчитываетъ на скорую поправку, болѣзнь очень расходилась, но что они всѣ думаютъ, что брата Господь одарилъ такою сильною натурою, что жизнь возьметъ свое.

Потомъ долго я не имѣла извѣстій... почему они не присыпали телеграммъ, не знаю... но уже 12 февраля, по нашему стилю, получено было извѣстіе, что братъ скончался 3 февраля въ 5-ть часовъ утра. Даже и о смерти его не уведомили телеграммою, а распорядились сами и похоронили въ Берлинѣ.

Первою мыслью мою было не оставить прахъ брата, дорогої для всѣхъ нась, въ чужихъ рукахъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ мнѣ покойный Иванъ Матвѣевичъ Толстой; я отнеслась къ нему съ просьбою, испросить на это позволеніе государя императора.

Просьба увѣнчалась успѣхомъ, превзошедшемъ мои ожиданія. Государь Императоръ не только разрѣшилъ это, но милостиво вникъ въ тогдашнее мое положеніе, и приказалъ, чтобы всѣ хлопоты по этому дѣлу правительство взяло на себя, а разсчетъ издержекъ былъ произведенъ послѣ.

Все это я считаю величайшею для себя милостію. Брать былъ погребенъ и надо было вырывать его; по именному повелѣнію, это дѣжалось какъ слѣдуетъ безъ препятствій; но иначе не знаю, было ли бы мнѣ возможно перевезти его. — Немедленно послѣ смерти брата я написала Дену и Кашперову, прося ихъ изложить мнѣ всѣ послѣднія слова, дѣйствія и желанія брата. Вотъ выдержки изъ письма Дена, въ переводѣ съ немецкаго:

..... «Въ ноябрѣ еще 1856 года началъ Глинка жаловаться

*.) Прилагаемъ точный снимокъ—второй и третьей страницъ этого письма.

Ред.

на недугъ, хотя, собственно говоря, не былъ боленъ. Весьма спокойный, опытный и добросовѣстный докторъ, медицинскій совѣтникъ Буссе, въ которому Глинка имѣлъ большое довѣріе, ничего не опускалъ изъ вниманія и такъ какъ онъ не поддавался замѣчаніямъ и сужденіямъ самого Глинки, то скоро нашелъ средства возстановить его, такъ что почти черезъ восемь дней Глинка могъ уже приступить къ ревностнымъ занятіямъ фугами, что ему доставляло особенное удовольствіе. Отнюдь не стѣсная его, я снова началъ мои прежнія съ нимъ занятія, употребляя ежедневно отъ двухъ до трехъ часовъ частію на упражненія, частію на чтеніе о церковныхъ тонахъ, которые я ему изъяснялъ по книгѣ Царлино *Institutioni harmoniche*. Годъ такимъ образомъ почти кончился и Глинка успѣлъ сочинить 2 фуги и началъ приобрѣтать критический взглядъ на *Clavecin bien tempéré* С. Баха, это его очень радовало. Большое удовольствіе доставило ему и то обстоятельство, что, по старанію Мейербера, е. в. король приказалъ исполнить въ большомъ придворномъ концертѣ, который бываетъ только однажды въ годъ, сцены съ віолончелью изъ большой глинкійской оперы. Эта прекрасно задуманная и мастерски сочиненная сцена была принята высокою публикою, собравшеюся въ числѣ около 800 персонъ, со всеобщимъ сочувствіемъ и быть можетъ даже и теперь, по смерти композитора, вызоветъ поставку всей его оперы. При выходѣ изъ жаркихъ комнатъ королевскаго замка, въ которыхъ Глинка очень страдалъ отъ жары, онъ сильно простудился и уже раннимъ утромъ на слѣдующій день позвалъ меня къ себѣ и жаловался на свое состояніе. По дорогѣ я зашелъ къ доктору и попросилъ его прийти къ Глинкѣ, но объяснить свое посыщеніе такъ, какъ будто онъ зашелъ, проходя мимо, или затѣмъ, чтобы освѣдомиться объ услыхѣ вчерашняго концерта. Докторъ тотчасъ же призналъ сильную простудную лихорадку и предписалъ горячую ванну. Теплая ванна вызвала обильный потъ и Глинка тотчасъ же почувствовалъ себя хорошо, и только страдалъ отъ необыкновенно сильного насморка; черезъ нѣсколько дней мы уже сидѣли съ нимъ за письменнымъ столомъ или за фортепіано, продолжая наши занятія фугами. Около этого времени, онъ должно быть получилъ, откуда не знаю, какія-то непріятныя извѣстія, потому что сдѣлался раздражителенъ и я нерѣдко приходилъ

диль къ нему по 4 и по 5 разъ въ день, чтобы его развлечь, такъ что я больше проводилъ время у него, чѣмъ у себя дома. Онъ все сбирался сообщить мнѣ что-то важное, но все отговаривался въ такихъ выраженіяхъ: «pour communiquer cette affaire, elle n'est pas encore assez mure; donc plus tard, peut-être en quelques jours». Хотя я ясно видѣлъ, что у него что-то лежитъ на сердцѣ, но не надоѣдалъ ему разспросами. Въ тѣлесномъ его состояніи я не замѣчалъ ничего опаснаго, потому что находилъ его всегда готовымъ къ работѣ и научнымъ разговорамъ, лишь только мнѣ удавалось анекдотами и т. п. разогнать его хандру (*mürrische laune*). Между тѣмъ я постоянно просилъ врача обращать вниманіе на состояніе Глинка и вообще тщательно за нимъ наблюдать. Такъ прошла первая половина января, и въ это время произошло только то, что я выдавалъ Глинуѣ неоднократно большія суммы денегъ, которыхъ онъ, по его словамъ, отсыпалъ. *) Куда онъ отсыпалъ эти деньги, я до сихъ поръ не знаю, и такъ какъ я считалъ нескромнымъ обѣ этомъ спрашивать, то и молчалъ. Къ началу второй половины января Глинка началъ жаловаться на сильную боль около печени и на совершенную потерю аппетита. Скоро онъ опять захандрилъ, такъ что мнѣ тяжело становилось занимать его по нѣсколько часовъ ежедневно; наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ быть покойнъ до тѣхъ поръ, пока я не отпушу лажея, что онъ имѣть свои причины, по которымъ онъ имъ недоволенъ; при этомъ впадъ въ гнѣвъ и даже ярость. Чтобы не увеличить этого возбужденнаго настроенія, я тотчасъ же отпустилъ человѣка, и когда снова вошелъ въ его комнату съ этимъ извѣстіемъ, онъ сдѣлался кротокъ, любезенъ и сталъ дурачиться съ самимъ прекраснѣйшимъ настроениемъ духа. До поздней ночи проговорили мы съ нимъ и уходя, я поручилъ его на эту ночь попеченію его хозяевъ. На слѣдующее утро весьма рано опять явился его хозяинъ и попросилъ меня отъ имени Глинки сейчасъ же къ нему придти, такъ какъ онъ нехорошо себя чувствуетъ. Пока я послѣднѣо одѣвался, я отправилъ хозяина за докторомъ и когда пришелъ къ Глинуѣ, то уже засталъ доктора у постели, на которой лежалъ Глинка, крайне истощенный безсон-

*) У Дена находились на сохраненіи всѣ деньги брата.

Л. Ш.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ДЕКАБРЬ, 1870. Т. II.

42

ной ночью, въ продолженіе которой его непрерывно рвало. Нѣсколько порошковъ привели его въ болѣе спокойное состояніе; старый опытный докторъ полагалъ, что ночное состояніе произошло отъ особаго страданія печени. Я оставилъ его только тогда, когда пришли сидѣлки; онъ уложили Глинку въ постель, съ которой онъ, къ сожалѣнію, уже болѣе не всталъ. Скоро посѣтилъ его врачъ и выразилъ надежду, что больной скоро поправится, и что нѣтъ никакихъ признаковъ опасности. Между тѣмъ рвота не прекращалась и тѣлесная слабость увеличивалась; духомъ же онъ былъ бодръ и веселъ, такъ что, уснувши нѣсколько, онъ говорилъ со мной о своихъ работахъ и опять дурачился (*machte farceur*). Такое состояніе продолжалось безъ перемѣны до 13 (1) февраля. Въ этотъ день я пробылъ у него до ночи. Глинка шутилъ и говорилъ о своихъ фугахъ. 14 (2-го) февраля, утромъ, я нашелъ его очень утомленнымъ и, къ сожалѣнію, совершенно безучастнымъ ко всему, о чёмъ я съ нимъ ни заговаривалъ. Докторъ, который навѣщалъ его ежедневно по нѣсколько разъ, объявилъ, что болѣзнь внезапно приняла другое направленіе, что жизнь больного въ опасности, но что при своемъ необыкновенно сильномъ тѣлосложеніи больной умретъ не вдругъ. Онъ прописалъ еще лекарство, которое Глинка принялъ охотно, между тѣмъ какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ не бралъ ничего, кроме небольшого количества шампанского то съ водой, то безъ воды. Своему достойному доктору наговорилъ онъ самыхъ непріятныхъ вещей, которая тотъ выслушалъ молча, не прерывая ни своихъ наблюдений, ни попеченій о больномъ. 15 (3-го) утромъ, около шести часовъ, хозяинъ Глинки поднялъ меня съ постели извѣстіемъ, что нашъ другъ около часу тому назадъ умеръ внезапно, но совершенно спокойно. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ умершему, сдѣлалъ необходимыя распоряженія: послалъ депешу въ Веймаръ за тамошнимъ русскимъ священникомъ (здѣшній уѣхалъ); представилъ подлежащимъ властямъ данное докторомъ свидѣтельство о смерти; написалъ вамъ нѣсколько строчекъ и затѣмъ устроилъ все, что нужно для погребенія. 17 (5-го) тѣло, съ соблюденiemъ всѣхъ законныхъ формальностей, въ присутствіи врача анатомировано. Глинка часто и настойчиво этбго требовалъ, поставилъ мнѣ это въ обязанность и взялъ съ меня въ томъ обѣщаніе. Диссекція указала, что Глинка умеръ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія,

такъ-называемаго ожирѣнія печень и что при этихъ условіяхъ онъ, ни въ какомъ случаѣ, не могъ долго жить. Вотъ свѣдѣнія о послѣднихъ недѣляхъ жизни Глинки. Его разговоръ былъ исень до послѣдней минуты; любимѣйшей его мечтой было уѣхать осенью въ Италию и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо; онъ говорилъ объ этомъ даже наланунѣ своей смерти. За нѣсколько часовъ до смерти, такъ околе полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловавъ его молча, горячо молился, стать кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно его поразила.

«18 (6-го) февраля было погребеніе, при которомъ присутствовали Мейерберъ, одинъ чиновникъ русскаго посольства, Бульшталь, Кашнеровъ, скрипачъ Грюнвальдъ, который игралъ ему гайдновскіе квартеты, концертный дирижеръ Веэръ, хозяева и я; двѣ русскія дамы, которыхъ я не зналъ, были жены священниковъ здѣш资料的和 weimarского.

«Сообразно съ вашимъ желаніемъ, я поставилъ временно простой памятникъ на его могилѣ изъ сибирскаго мрамора съ такою надписью: «Michail von Glinka. Kaiserlicher russischer Kapellmeister. Geb. 20 Mai 1804 zu Spasskoe, Guv. Smolensk. Gest. 15 Februar 1857 zu Berlin».....

... «Любопытную черту въ жизни Глинки составляло нерасположеніе къ политическимъ писателямъ, которые писали противъ Россіи. Если заходила рѣчь обѣ нихъ, то онъ раздражался до ярости, такъ что и не разъ опасался удара. Вечеромъ, когда это случалось, трудно было его успокоить. Чтобы избѣжать подобныхъ случаевъ, я не допускалъ никакихъ политическихъ разговоровъ и напоминалъ посѣтителямъ, что зонтики, валоши и политику они должны оставлять за дверями. Эта шутка удавалась, и Глинка тотчасъ же успокаивался. Если же онъ самъ начиналъ разговоръ о политикѣ, то обыкновенно съ нимъ соглашались и не противорѣчили ни въ чемъ. Въ началѣ зимы часто случалось, что онъ по 8—12 дней не выходилъ изъ комнаты; тогда я устраивалъ ему квартеты, браѧ съ собой жену и свояченицу и Глинка былъ въ такихъ случаяхъ любезенъ до-нельзя. Нерѣдко случалось, что мы должны были повторить сполна какой-нибудь немецкій ему квартетъ; желая доставить ему удовольствіе, мы охотно это

исполняли, а онъ каждый разъ благодарилъ насъ со слезами на глазахъ».....

Въ это время уѣзжалъ за границу В. П. Энгельгардтъ; онъ ваялся напечатать тамъ нѣсколько партитуръ увертюръ Глинки, которыхъ и посвящены мною Мейерберу, Листу, Берліозу и Дену; отъ себя же Энгельгардтъ распорядился переводомъ текста 20-ти лучшихъ романсовъ брата на французскій, нѣмецкій и итальянскій языки; онъ напечаталъ и посвятилъ ихъ извѣстной пѣвицѣ Pauline Viardot. Энгельгардтъ присутствовалъ въ Берлинѣ при открытии тѣла брата; когда начали вырывать гробъ, онъ распался; Энгельгардтъ прислалъ мнѣ въ письмѣ нѣсколько цвѣтковъ, бывшихъ въ гробу моего брата.

Въ придворной Конюшеннай церкви, съ соизволеніемъ Государя Императора, была совершена панихида съ придворными пѣвчими. При этомъ от. Г. П. Полисадовъ, состоявшій долго въ Берлинѣ при русскомъ посольствѣ, и бывавшій тамъ у брата, который любилъ его и дорожилъ его бесѣдами, случайно въ это время приѣхавшій въ Петербургъ, сказалъ небольшую, но полную чувства рѣчь о Глинкѣ. Потомъ въ Филармоническомъ обществѣ данъ былъ концертъ, составленный изъ сочиненій брата; концертъ вышелъ очень удаченъ. Въ это-же время я просила Дена прислать мнѣ вещи, бывшія самыми близкими брату: образокъ, портретъ Оли, фамильный перстень и, между прочимъ, шлафрока, который братъ очень любилъ и въ которомъ умеръ. Черта любопытная: Денъ, присыпая всѣ тѣ вещи, о которыхъ я просила, не прислалъ шлафрака. «Не посыпаю халата потому», писалъ г. Денъ съ сообразительностью вполнѣ нѣмецкою, «что халатъ слишкомъ старъ и вы изъ него никакого употребленія не можете сдѣлать.»

1857 г. 21 мая, утромъ, я, на пароходѣ, въ сопровожденіи близкихъ брату людей, отправилась въ Кронштадтъ. 22 мая пришолъ пароходъ съ тѣломъ брата. Въ тотъ же день вечеромъ, безъ всякой торжественности, тѣло брата перевезено въ Невскій монастырь, въ церковь Лазаря. Тамъ снали ящики и оказался темнодикій или чорный высокій деревянный гробъ безъ всякихъ украшеній. Желалъ ли братъ или это обыкновеніе въ Берлинѣ, но только форма гроба была чрезвычайно высокая, да и цвѣтъ его усиливалъ еще болѣе тяжелое ощущеніе.

На слѣдующій день, рано утромъ я распорядилась обить гробъ золотымъ глазетомъ, а въ вечерню многіе изъ близкихъ брата принесли его въ Духовскую церковь, гдѣ 24 мая, послѣ літургіи, и совершено отпѣваніе. Братъ и въ церкви, равно какъ и на пристани, не оставался одинъ ни на минуту.

24 мая я раньше назначенаго часа поѣхала въ Невской, чтобы заранѣе убрать гробъ и могилу брата цвѣтами. Не успѣла я начать свое дѣло, какъ въ церковь вошелъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ навѣшивали гирлянды, и мнѣ было отрадно, что именно Осипъ Аѳанасьевичъ, котораго братъ мой такъ любилъ и уважалъ,—помогалъ мнѣ въ этомъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изданіяхъ сочиненій брата, которыхъ переходили изъ рукъ въ руки.

Въ самомъ началѣ братъ продавалъ свои произведенія Смирдину, потомъ г. Гурскалину, собственнику музыкального магазина подъ фирмой «Одеонъ», отъ котораго они перешли къ г. Стелловскому, впрочемъ не всѣ; есть романсы проданные г. Бернарду и другимъ.

Цѣль моя послѣ смерти брата состояла всегда въ томъ, чтобы стараться распространить его музыку. Для этого сдѣлала я условіе съ г. Стелловскимъ, по которому передала ему всѣ непроданныя прежде братомъ и мною сочиненія за 25 руб. Цифра эта была назначена потому, что безъ одѣнки я не могла сдѣлать формального акта: всякий, кто хотя немного знаетъ дѣло, пойметъ это. Всѣдѣ за этими 25 р. въ условіи было сказано, что я обязана дать г. Стелловскому 1000 рублей, по представлѣніи мнѣ въ назначенное время корректуръ, чтобы основательно исправить ихъ и не допускать въ печати искаженій или пропусковъ. Давала же я г. Стелловскому 1000 р. потому, что очень хорошо знала, что печатанье партитуръ оперъ брата ему не могло принести большой выгода, такъ какъ не многіе покупаютъ подобныя вещи. Видя, что прошелъ срокъ условія, а г. Стелловскій не исполняетъ его, я хотѣла ускорить это дѣло, но онъ, согласившись сначала поручить М. А. Балакиреву печатаніе оперъ за границею, на весьма выгодныхъ, мною ему предложенныхъ условіяхъ, вдругъ неожиданно вмѣсто того началъ со мною процессъ, который кончился не въ пользу г. Стелловскаго. Жаль, что изъ-за всѣхъ этихъ дразгъ страдаетъ музыка брата. Но

шартитура «Руслана» должна быть напечатана, и будетъ. Эта лучшая и любимая опера брата.

Вскорѣ послѣ смерти брата надъ его могилою былъ поставленъ памятникъ, по рисунку академика И. И. Горностаева, монументнымъ мастеромъ Дениненсомъ. Медальонъ съ портретомъ брата въ профиль, помѣщенный на монументѣ, сдѣланъ съ силуэта, снятаго въ 1842 году съ тѣни на бумагу. Этотъ медальонъ исполненъ молодымъ талантливымъ скульпторомъ Лаверецкимъ, и пройденъ, по просьбѣ В. В. Стасова, распоряжавшагося устройствомъ памятника, скульпторомъ Пименовымъ, учителемъ Лаверецкаго. Памятникъ вышелъ художественный по мысли и исполненію *). Памятникъ, поставленный по моей просьбѣ въ Берлинѣ надъ могилою брата, и по моему же желанію оставленный на его бывшей могилѣ, былъ цѣль въ проѣздѣ моей черезъ Берлинъ въ 1862 г.

1870 г. 13 сентября.

Людм. Шестакова.

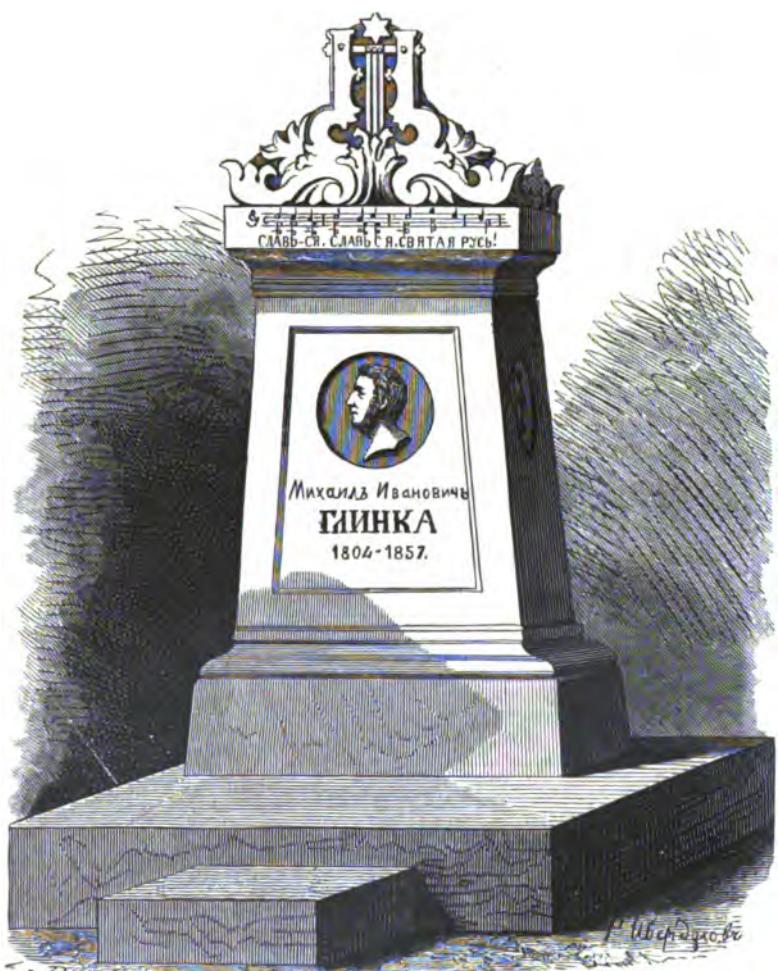
14-го ноября сего года С. Петербургское Собрание Художниковъ устроило въ залѣ Дворянскаго Собрания большой концертъ въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. Этотъ концертъ по истинѣ можетъ быть названъ торжественною тризною по геніальному русскому художнику. М. А. Балакиревъ управлялъ музыкальною частью; лучшіе пѣвцы и пѣвицы русской оперы принимали участіе въ этомъ вполнѣ русскомъ празднествѣ. На концертѣ исполнились произведения только одного Глинки. О. А. Петровъ принялъ отъ Распорядительного Комитета Собрания Художниковъ лавровый вѣнокъ иувѣничаль имъ, при оглушительныхъ рукоцлесканіяхъ многочисленной публики, бюстъ Глинки. Всеобщій восторгъ, выраженный въ эту торжественную минуту, — былъ какъ бы искупленіемъ, за то постыдное равнодушіе, которое встрѣчало въ Петербургскомъ обществѣ произведенія творческаго генія Глинки — при его жизни.

Ред.

---

*) Прилагаемъ его рисунокъ, онъ же помѣщенъ въ «Всемирной Иллюстраціи», гдѣ, кстати замѣтимъ, перепечатаны значительные отрывки изъ «Записокъ Глинки», помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ».

Ред.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛЪ
М. И. ГЛИНКИ
въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ.

Печатки В. Головина, у Владимирской, д. № 15.

Отрывок изъ письма М. И. Глинки къ Н. В. Кукольнику, изъ Парижа.
15 февраля 1845 года *).

.... «Случай свелъ меня съ нѣсколькими милыми людьми, и въ Парижѣ я нашелъ немногихъ, но искреннихъ и талантливыхъ пріятелей. Самая примѣчательная для меня встрѣча это безъ сомнѣнія съ Берліозомъ; изучить его произведенія, столь порицаемыя одними и столь превозносимыя другими,—было однимъ изъ моихъ музыкальныхъ предположеній въ Парижѣ. Случай мнѣ вполнѣ благопріятствовалъ. Я не токмо слышалъ музыку Берліоза въ концертахъ и на репетиціяхъ, но сблизился съ этимъ первымъ, по моему мнѣнію, композиторомъ нашего вѣка (разумѣется, въ его специальности), сколько можно сблизиться съ человѣкомъ, до крайности эксцентрическимъ. И вотъ мое мнѣніе: Въ фантастической области искусства никто не приближался до этихъ колоссальныхъ и вмѣстѣ всегда новыхъ соображеній. Объемъ въ цѣломъ, развитіе подробностей, послѣдовательность, гармоническая ткань, наконецъ оркестръ могутъ и всегда новый — вотъ характеръ музыки Берліоза. Въ драмѣ, увлекаясь фантастической стороною положенія, онъ неестественъ и следствіенно невѣренъ. Изъ слышанныхъ мною пьесъ: *l'ouverture des franc-juges*, *la marche des pelerins de la symphonie Harold et le scherzo la reine Mab ou la fée des songes*, также *Dies irae* и *tuba mirum* изъ *Requiem* произвели на меня неописанное впечатлѣніе. У меня теперь нѣсколько неизданныхъ манускриптовъ Берліоза, кои изучаю съ невыразимымъ наслажденіемъ.

*) Въ дополненіе къ запискамъ Михаила Ивановича Глинки и воспоминаніямъ его сестры, считаемъ не лишнимъ присоединить отрывокъ изъ одного письма Глинки, появившагося наднѣхъ въ газетѣ «Музыкальный Сезонъ» 1870—1871 гг., № 2. Письмо это весьма замѣчательно: въ немъ Глинка высказываетъ свой взглядъ на произведенія представителя французской музыки, Берліоза, судить вообще о музыкальномъ искусствѣ и о музыкальной драмѣ; высказываетъ предположенія относительно дальнѣйшихъ своихъ трудовъ въ области музыки, подробно говорить о громадномъ концертѣ въ Парижѣ, данномъ подъ управлениемъ Берліоза, на которомъ выполнены предъ всемирной столицей произведенія русского художника. (См. о томъ же «Русск. Стар.», 1870 т. II стр. 423—425). Отчетъ Глинки о концертахъ въ Парижѣ интересно со-поставить съ тѣмъ торжествомъ, которымъ сопровождалось исполненіе его произведеній въ Берлинѣ. (См. въ этой же книѣ «Рус. Стар.» стр. 624). Въ концѣ концовъ выходить то, что гений Глинки, при жизни его, гораздо болѣе одѣнили лучшіе представители искусства въ Парижѣ и въ Берлинѣ,—нежели въ Россіи, которая только теперь, болѣе двѣнадцати лѣтъ спустя по его кончинѣ, начинаетъ гордиться своимъ Глинкой и сооружаетъ въ честь его монументы!

Ред.

Мое мнѣніе о консерваторіи я сообщилъ Гейдепрѣху, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ тебѣ. Прибавлю, что я слышалъ оркестръ консерваторіи, играли *la symphonie pastorale* — превосходно, но слишкомъ. Подробности исполняютъ съ такимъ утонченіемъ, такъ нарядно, что вредить цѣлому.

Афишки, посланные тебѣ, и журналы безъ сомнѣнія уже тебя извѣстили о моихъ дебютахъ въ Парижѣ. Сообщу тебѣ пѣсколько подробностей. Въ 3-мъ концертѣ Берліоза ария Въ поле чистое произвела огромный эффектъ. Соловьева сначала немного сбилась, но потомъ поправилась и пропѣла превосходно. Лезгинка, передѣланная съ двухъ оркестровъ на одинъ, хотя огромный, утратила множество эффектовъ и, какъ отъ расположения оркестра, такъ и отъ дурного исполненія, не произвела того впечатлѣнія, на которое я разсчитывалъ съ Берліозомъ, ибо онъ самъ выбралъ эту пьесу, ему очень понравившуюся. Въ 4-мъ концертѣ Берліоза, Соловьева пѣла гораздо хуже, а въ моемъ такъ оробѣла, въ дуэтѣ *des puritains*, что не могла продолжать остальныхъ нумеровъ. Маргас поправилъ дѣло, вызвавшись пропѣть, сверхъ программы, *Cavatine* изъ *Elisir*, которую исполнила превосходно. 52 музыканта итальянского оркестра разыграли мои пьесы превосходно, и они были прияты публикою очень, очень благосклонно, въ особенности *scherzo* (мой Павловскій вальсъ) чрезвычайно понравился, его издаются здѣсь, равно какъ и романсъ *desiderio*.

Опыты переводовъ не удались, и я былъ вынужденъ ограничить свои дебюты этими незначущими пьесами въ концертахъ, гдѣ музыка должна быть понятна съ первого раза, и здѣсь надобно исполнять пьесы несложныя; сверхъ того я не хотѣлъ иначе начать, какъ пьесами написанными въ Россіи и для Россіи. Поэтому се *succès d'oiseau de passage* для меня теперь достаточенъ, тѣмъ болѣе, что Берліозъ, Герцъ и некоторые другие читали мои партитуры, и огромная статья Берліоза обо мнѣ въ „Journal des Débats“ убѣдить тебя въ томъ, что мое авторское самолюбіе вполнѣ удовлетворено. Гречь сообщить въ „Сѣверную Пчелу“ краткое описание моего концерта съ переводомъ и подлинникомъ письма Берліоза, написанного мнѣ за двѣ недѣли до концерта, которое можетъ служить доказательствомъ искренности его мнѣнія обо мнѣ.

Въ итогѣ я чрезвычайно доволенъ своимъ путешествиемъ. Парижъ городъ чудесный—разнообразіе умственныхъ наслажденій неистощимо, жить можно какъ хочешь, и я не помню эпохи въ своемъ существованіи пріятнѣе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ художественномъ отношеніи изученіе музыки Берліоза и здѣшней публики привело

меня къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Я рѣшился обогатить свой репертуаръ нѣсколькими (и если силы позволять) многими концертными пьесами для оркестра, подъ именемъ *Fantaisies pittoresques*. Доселъ инструментальная музыка дѣлилась на два противоположныхъ отдѣла: квартеты и симфоніи, цѣннымы немногими, устрашаютъ массу публики своими глубокими и сложными соображеніями; а особенно такъ-называемые концерты, варьаціи и пр. утомляютъ ухо несвязностью и трудностью. Мне кажется, что можно соединить требованія искусства съ требованіями вѣка и, воспользовавшись усовершенствованіемъ инструментовъ и исполненія, писать пьесы, равно докладныя знатокамъ и простой публикѣ. Я уже принялъся за дѣло—соображаю сода для марша Черномора: онъ очень здѣсь понравился, но безъ сода не можетъ удовлетворить слушателей. Въ Испаніи примусь за предположенія *Fantaisies*—оригинальность тамошнихъ мелодій будетъ мнѣ значительною помощью, тѣмъ болѣе, что доселъ это поприще никѣмъ проходило не было и, кроме оригинальности, для моей необузданной фантазіи надобень текстъ или положительныя данные. Увижу на мѣстѣ, можно ли затѣять оперу въ испанскомъ родѣ, во всякомъ случаѣ постараюсь передать въ звукахъ свои впечатлѣнія.....»

Выдержки изъ записокъ Н. В. Кукольника.

Вотъ что мы находимъ въ неизданныхъ запискахъ покойнаго Нестора Васильевича Кукольника по поводу полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти Глинки... «Въ Петербургѣ вѣсть о смерти Глинки прилетѣла чуть не на крыльяхъ. Я зналъ моихъ русскихъ патріотовъ, я помнилъ какъ равнодушно потеряли они Брюлова, такъ что, кроме газетъ, никто и не замѣтилъ, что умеръ Карлъ Великій въ живописи. Никакого публичнаго изѣльженія, собогоизованія. Неужели и съ Глинкой будетъ тоже? Никакого сомнѣнія, если ихъ не заставить насильно исполнить долгъ свой.— Я написалъ къ А. О. Львову довольно теплое письмо, въ которомъ требовалъ почтить память Глинки торжественною панихидою въ Казанскомъ соборѣ, давая разумѣть, что если онъ откажеться, то пойду другимъ путемъ. Львовъ принялъ мой вызовъ и рапортъ министру былъ написанъ. Колебались дать разрѣшеніе, однакожъ дали, но не въ Казанскомъ соборѣ, о чѣмъ Львовъ и не просилъ, а въ придворной Конюшенной церкви. Написали объявленіе, въ которомъ сказано, что «гг. придворные пѣвчіе, увѣдомясь о кончинѣ своего сослуживца, вознамѣрились отслужить панихиду», и пр. Я уничтожилъ это нелѣпое объявление, написалъ другое, теплѣнѣкое и послалъ Львову, а тотъ въ подлинникѣ къ Владимиру Панаеву. Несчастный идиличъ двадцатыхъ годовъ, подъ гнетомъ звѣдъ, честей и лѣтъ, нашель невозможнымъ говорить о музыкантѣ съ увлечениемъ и объявление напечатали въ примирительномъ тонѣ, т.е. тѣже пѣвчіе служили панихиду, но Глинку дозволено назвать «знаменитымъ композиторомъ», и 23 февраля, въ 2 часа пополудни, Конюшенная церковь на-

полнилась почитателями таланта покойного. Изъ высшаго міра было нѣсколько дамъ, баронъ М. А. Корфъ и кн. П. А. Вяземскій..... Случайно въ Петербургъ приѣхалъ изъ Берлина о. Полисадовъ, еще 10-го января бесѣдовавшій съ Глинкѣ; онъ сказалъ надгробную рѣчъ, довольно приличную и занимательную, по крайней мѣрѣ кстати, хоръ придворныхъ пѣвчихъ прогремѣлъ: со святыми упокой, великотѣпло, и я, получивъ нѣкоторое удовлетвореніе, воротился домой успокоенный, что, волей неволей, заставилъ отдать покойному публичную честь. Между тѣмъ, младшее поколѣніе друзей Глинки, желая дѣйствовать и съ своей стороны независимо, устроили музыкальную панихиду. Филармоническое общество согласилось одинъ изъ своихъ концертовъ обратить въ память Глинки. Это со стороны нѣмцевъ было истинное пожертвованіе. На филармонические концерты перестали ходить, а тутъ такая вѣрная и выгодная приманка. Программу концерта разъ десять передѣливали *)... Публики собралось на концертъ много, но изъ высшихъ слоевъ общества тотъ же кн. Вяземскій былъ представителемъ аристократовъ... Бѣжать отъ нихъ! Бѣжать хоть на время, потому что обстоятельства приковали мои ноги къ этой землѣ, на которой есть жители, но нѣтъ еще гражданъ. Бѣдные люди! Бѣдная Россія!....»

«Я надѣялся собрать о Глинкѣ свѣдѣнія въ Берлинѣ, въ особенности отъ Дена. Но этотъ красный нѣмецъ неохотно говорилъ о Глинкѣ, и то что говорилъ, неутѣшало меня. День, вмѣсто разсказовъ, ссылался на подробное письмо къ В. П. Энгельгардту, гдѣ онъ (см. выше) въ подробности описывалъ послѣдніе дни жизни Глинки. Только и узналъ я, что за двѣ недѣли до смерти, Глинка взялъ слово съ Дена, если умретъ, несрѣдѣнно его анатомировать, что Деномъ и исполнено. Нашли печень чрезъ мѣру отолщенную, а желудокъ крошечный. Глинка умеръ съ голоду: двѣ недѣли не могъ принимать пищи. При самомъ моментѣ смерти Дена не было. Не знаю почему похоронили его далеко, болѣе далеко, на троицкомъ кладбищѣ, въ ридахъ, какъ рядового и то осмысли. На похоронахъ былъ и Мейерберъ и какой-то знаменитый берлинскій музыкальный критикъ. И это выдавалъ мнѣ День, какъ за великую честь, оказанную Глинкѣ. Другой почетъ,—что въ библіотекѣ у него хранится экземпляръ quasi-полныхъ сочиненій Глинки, въ грошевомъ переплетѣ, на который онъ не упустилъ обратить моего особенного вниманія. Я догадался, что этотъ переплетъ составилъ третью честь, оказанную Глинкѣ. Жаль Глинки! такой другъ не могъ спасти его, хотя смертельная необходимость его болѣзни подозрительна. Отолженіе печени—успешно лечить Карльбадъ, что доктора и соѣвѣтывали....»

Сообщ. И. А. Пузыревскій.

*) Что не помѣщало однако концерту 15 марта 1857 г. быть весьма интереснымъ и удачнымъ. Вотъ его программа: I отд. Увертюра и интродукція изъ «Руслана и Людмилы»; ария Руслана, молитва съ хоромъ, ария Людмилы, ария Фарлафа, хоръ дѣвъ, маршъ Черномора, Лезгинка. II отд. Хота; дуетъ: «Вы не придете вновь», Valse fantaisie, ария Гориславы, Камаринская, хоръ «Славься» изъ «Жизни за Царя». Въ поясненіе этой программы необходимо прибавить, что «Русланъ» не давался до того времени на сценѣ съ 1844 или 1845 г., сгѣдовательно въ теченіи 12—13 лѣтъ. Хотя же исполнялась до того времени раза два или три, такъ что для значительной части публики, эти произведения Глинки были почти совершеншною новостью.

Сообщ. В. В. Никольскій.

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ.

(Род. 1720 г. ум. 1794 г.).

Трудно предполагать, чтобы кому-нибудь из читателей „Русск. Стар.“ не было известно имя Степ. Ив. Шешковского, начальника Тайной Канцелярии въ 1780—1790 гг. Вотъ отрывокъ изъ замѣтки о немъ почти современника его, П. А. Радищева, сына известного автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ *).

„Низкій происхожденіемъ, воспитаніемъ и душевными качествами, Шешковскій былъ грозою столицы. Ему была препоручена Тайная Канцелярия и этотъ Великій Инквизиторъ Россіи исполнялъ свою должность съ ужасною аккуратностью и суворостью. Онъ действовалъ съ отвратительнымъ самовластіемъ и суворостью, безъ малѣшаго снисхожденія и состраданія. Шешковскій самъ хвалился, что знаетъ средства вынуждать признанія; а именно, онъ начиналъ тѣмъ, что допрашиваемое лицо хватить палкой подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещать, а иногда и повыскаиваютъ. Ни одинъ обвиняемый при такомъ допросѣ не смѣлъ защищаться, подъ опасеніемъ смертной казни (?). Всего замѣчательнѣе то, что Шешковскій обращался такимъ образомъ только съ знатными особами (?), ибо простолюдины были отдаваемы на расправу его подчиненнымъ. Такимъ образомъ вынуждалъ Шешковскій признанія. Наказаніе знатныхъ особы онъ исполнялъ своеручно. Розгами и плетью онъ сѣкъ часто. Кнутомъ онъ сѣкъ съ необыкновенною ловкостью, приобрѣтенною частымъ (?) упражненіемъ. Однажды кн. Потемкинъ, послѣ продолжительного отсутствія возвратившійся въ Петербургъ, замѣтивъ между явившимися къ нему посытителями Шешковского, спросилъ у него при всѣхъ: много ли въ его отсутствіе онъ пересѣкъ персонъ изъ своихъ рукъ? Тотъ, однакоже, устыдясь, благодарилъ уклончиво за такую милостивую насмѣшку **). По дѣлу о карикатурахъ и ругательныхъ сочиненіяхъ въ семидесятыхъ годахъ, исколько придворныхъ особы были у него въ передѣлѣ. Въ С.-Петербургѣ у него было много дѣла всякий день, однакоже онъ былъ посыпаемъ и въ другіе города. Когда, напримѣръ (это очень часто случалось), многими недовольными въ Москвѣ были говорены неприличныя рѣчи и это дошло до свѣдѣнія императрицы, она (въ девяностыхъ годахъ) полагала въ нихъ видѣть сѣмена возмущенія и старалась его подавить. Она прислала

*.) Эта замѣтка передана миѣ въ 1860 году П. А. Радищевымъ. Онъ скончался въ 1868 или 1869 году, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду. П. И.

**) Пушкинъ тоже упоминаетъ объ этомъ, говоря, что Потемкинъ спрашивалъ Шешковского: «каково внутибояничашь, Степанъ Иванычъ?» — «По маленьку, по маленьку, ваша свѣтлость» отвѣчалъ тотъ, потирая руки. П. И.